

А.А. Колтыпина

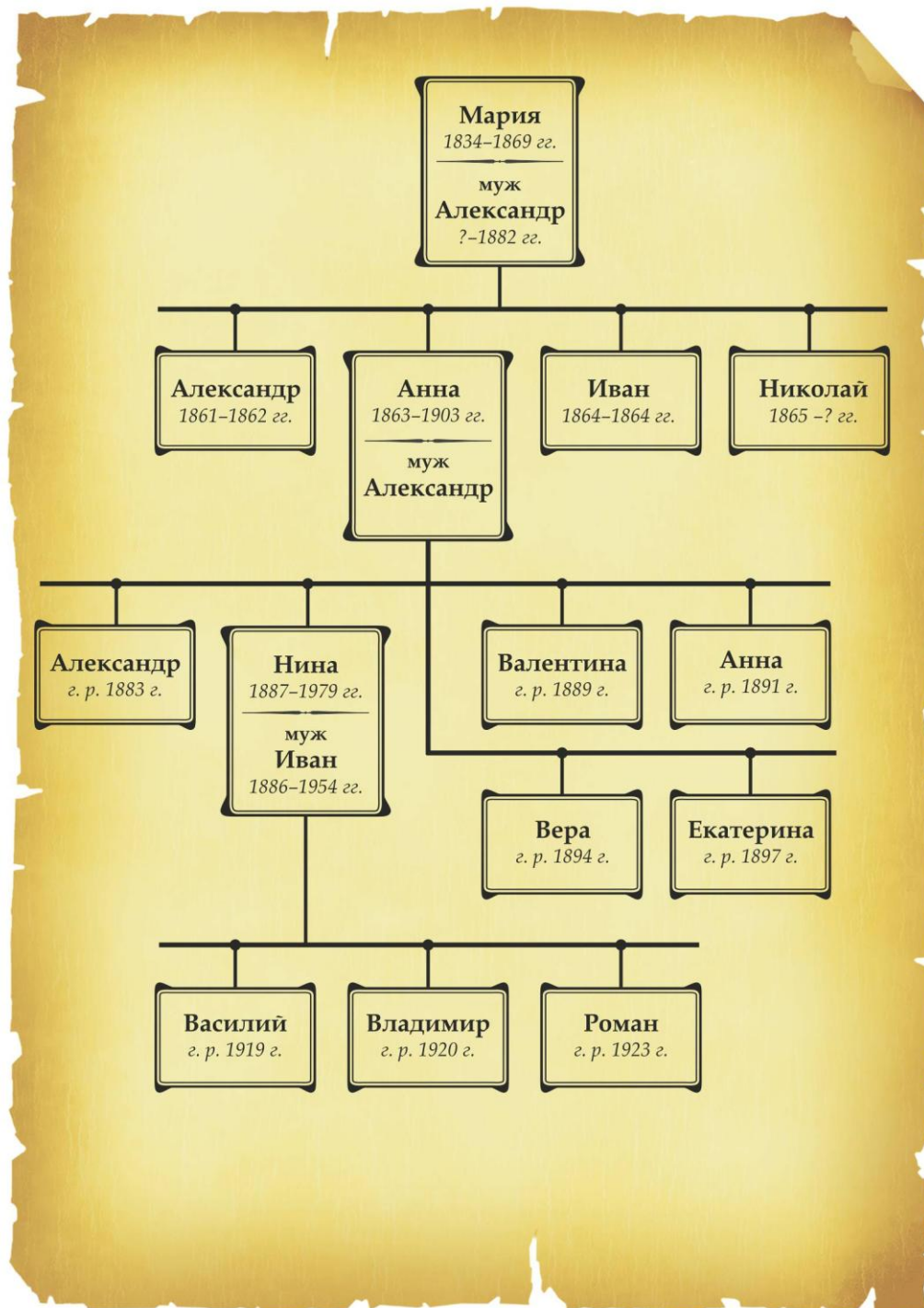
**Записки
дочери
священника
(урожденной Зверевой)**

Тверь 2016

Колтыпин А.И. священник с. Григорьево, Тверского уезда

Генеалогическое древо
Анны Зверевой и Александра Колтыпина

Семья Колтыпиных. Справа Колтыпин Александр Иванович (мой прадед).

*Посвящается моей двоюродной сестре
Судаковой Нине Васильевне*

Отец мой, Александр Александрович Зверев, был сын дьячка села Завидово Ржевского уезда, Александра Алексеевича, родившегося в 1800г. и учившегося в Ржевском Духовном Училище вместе с Митрополитом Платоном Киевским. Мать Дарья Евстратьевна. Отец родился в 1828г. Кроме его в семье ещё старший его брат Иван и две сестры - Прасковья и Татьяна.

Дедушка Александр Алексеевич жил довольно зажиточно, по тому времени. У него был и хлеб и скот, кроме того он занимался пчеловодством и имел яблоневого сад.

(Примечание: Но ходил первое время своей службы в лаптях и чунях. Также одевались и священники того времени с той только разницей, что у священников оборы были шелковые, а у причта, пеньковые. Деньги были в то время более медные и крупные и убирали их в мешки холщёвые; и священник, у которого такие мешки лежали поленницей, называли очень богатым.)

О своем детстве и поступлении в училище, мой отец рассказывал так: «Я до семи лет бегал с ребятами деревни, из которых у меня был приятель Лупа».

То играл с меньшей сестрой Таней в саду. Когда собрались везти старшего брата в училище после летних каникул то я, видя, как мать хлопчет испечь ему больше пирогов, булок и лепёшек, вдруг захотел, чтобы она и мне наготовила столько же, а потому заявил своим, что хочу ехать в Ржев учиться. Это было для всех неожиданно. Начали меня уговаривать, указывая, что я ещё мал, и ничего не пойму, а в училище строго, каждую субботу

порют и т.п.

Но я стоял на своем, и пришлось матери, проливавшей горькие слёзы, снарядить и меня.

О своей училищной жизни много рассказывал мне покойный отец, но я многое, увы, успела забыть.

«Привезли меня в Ржев и поставили на одну квартиру с братом, к какой-то мещанке, державшей у себя на квартире ещё человек десять учеников.

Всё съестное доставлялось из деревни отцом, но ели кашу, например, так: наложит хозяйка целое блюдо крутой каши, посередине выдавит ложкой ямку, в которую нальёт немного масла, а нас заставит хорошенько мешать, уверяя, что от этого каша станет масленее. Одевались мы в крашенные или набойчатые халаты и тулупы. Летом ходили босиком, сапоги тогда были только у протоиерейских сынков.

Уроки готовили дома так: посередине стола ставилась плоская доска с салом, в которое была опущена горящая свечка, мы садились вокруг и при таком освещении готовили уроки. В училище приходили рано утром. Здание училища было старое, классы холодные. Войдёшь, думаешь отогреться, а там не теплее улицы – в воздухе стоит пар от дыхания, на окнах толстые слои льда». И вот при таких-то неблагоприятных условиях начал учиться семилетний мальчик. Но учился он хорошо.

Ни разу не пришлось ему быть поротым в субботы. «О, эти субботы! - восклицал он бывало. «Ещё в пятницу нас посылали всех за город, в ближайший лес за прутьями.

Я был летами и ростом меньше всех. Вязнешь, бывало, спеша за другими, в глубоком снегу, а придёшь в лес – новая беда – и до сучьев не дотянешься, да и сторожа боишься.

Ну как он поймает, да раньше смотрителя выдерет, а принести в училище прутьев надо всем по пуку. Смотритель Иван Иванович Колосов, отец Владимира Ивановича Колосова, был человек строгий, мало того, он был зверь.

Когда начиналась субботняя порка, то он наслаждался этим зрелищем и насытившись криками наказываемых, наконец, освобождал их, а кричать старались изо всех сил, так как знали, что молчание выводит его из себя. Печальный конец был с этим зрителем. С каждым годом он делался кровожаднее и однажды засёк ученика до смерти. От места он был уволен. В 70-х годах, папаша мой, навещая своего зятя в доме умалишённых, увидел там и бывшего своего зрителя. Церкви при училище не было и учеников ко всенощной и обедне посылали в собор, а так как там было тесно, то начальство, оставаясь само в теплом, где происходила служба, учеников затворяло в холодном. Не слыша службы и скучая стоять неподвижно на одном месте, а также, чтобы согреться, ученики нередко выходили «стенка на стенку». «Однажды на всенощной, - рассказывал отец, - я очень озяб и желая согреться, сел в уголок, скорчился и незаметно для себя, уснул. Разбужен я был необычайным шумом и криками. Оказывается, что ученики пошли «стенка на стенку» - кто кого, чтобы победить. В пылу боя они забыли, где находятся, а потому их крики и шум настолько усилились, что стали заглушать службу. Тогда начальство догадалось посмотреть, что делают ученики в холодном соборе». Отец мой, благодаря сну не участвовавший в бое, избежал наказания.

Голос у отца был очень хороший, и он был выбран певчим 1-го дисканта.

Более об училищной жизни отца я ничего не помню. Помню только, что когда он был в 3-м классе училища, ему сшили полосатый халат. Этот халат так восхитил его, что он не утерпел, чтобы не пройти по всему селу и показаться своему приятелю Лупе.

О семинарской жизни тоже ничего не помню. На каникулы отец с братом и другими семинаристами ходил домой пешком, а в Тверь отправлялись на лодках, нагруженных ржевскими яблоками. Окончил курс он в 1-м разряде, а так как ему не хотелось «выходить в дом», под

условием чего, только тогда можно было войти в священники, отец поступил на «кондиции» к Абашевым. Имение Абашевых находилось в Смоленской губернии, если не ошибаюсь, Торопецкого уезда.

После смерти папаши осталось много писем от Абашевых, его учеников и других помещиков, у которых он учил детей, но я имела глупость, сжечь все эти письма.

Сам Абашев любил делать в имении различные нововведения. Так, вычитал он в каком-то журнале, что крыша, сделанная из творога, имеет необыкновенную прочность, если хорошо высохнет на солнце, и блеск. Тот час же он распорядился, чтобы все его крепостные доставляли нужное количество творогу в другое имение, где у него строился новый дом. И вот весной потянулись, за целые десятки вёрст, крестьянские подводы с творогом к новому барскому дому.

Скоро забелела крыша, покрытая слоями творога, необходимой толщины. Барин посматривает и радуется, но погода вдруг изменилась, пошёл дождь и с крыши потекли белые потоки. Яростными врагами крыши оказались также вороны и другие птицы, целыми стаями прилетавшие полакомиться вкусным кушаньем. Так и пришлось Абашеву расстаться со своей затеей и покрыть дом более надёжным материалом.

Должно быть, в этом доме пришлось отцу моему познакомиться с кошмаром.

«Дом ещё не совсем был отделан, – рассказывал он, – а Абашевы вздумали уже переехать в него. Предварительно послали меня, чтобы поторопить рабочих и всё приготовить к их переезду. Приехав туда, я увидел, что дом был уже окончен, и оставалось только очистить его от стружек и мусора. На ночь я выбрал одну более чистую, но совершенно пустую комнату; кроме кровати, поставленной ночевать для меня, ничего в ней не было. Утомленный ездой и один в большом доме, решился я в 11 часов ночи лечь спать. Комната была ярко освещена луной. Двери и окна были

заперты. Вдруг мне показалось, а я хорошо помню, что ещё не засыпал, что дверь тихо отворяется и в комнату входит какая-то тёмная фигура, подходит к моей кровати, наваливается на меня и начинает душить. Я стараюсь освободиться, хочу кричать, но у меня пропали силы и голос перестал повиноваться. Чуть живой от тяжести и ужаса, я начал мысленно про себя читать - «Да воскреснет Бог ...» Вижу, тёмная масса сваливается с меня и идёт опять к двери. Луна по-прежнему ярко светила. Я оглянулся, в комнате было пусто... Не помню, как провёл я эту ночь, но после этого случая никогда не решался спать один в новом, не освящённом доме».

Дети, которых готовил папаша, поступили в учебные заведения и он перешёл к другим помещикам. Но так как у Абашевых он жил более продолжительное время и его там полюбили, как родного, то дружеские отношения с ними сохранились до смерти стариков Абашевых. Прошло уже лет десять с окончания семинарии. Пора было и подумать и о священстве, да и родители начали напоминать ему об этом с братом, который уже в это время «вошёл в дом» в селе Тальцы Осташковского уезда к священнику отцу Фёдору Торочкову, женившись на дочери его Наталье. Тогда папаша решил ехать в Тверь, где поступил чиновником в духовную консисторию. Там ему были видны все свободные места. В консистории служил в это время сын Завидовского дьякона, Николай Осипович Соколов. Хотя все свободные места были на виду и места были хорошие, но проситься на них отец мой не решался, так как они были со «взятием». Наконец в 1860г. поступило прошение к Архиепископу, от кончившего Семинарию воспитанника Соколова, о назначении его священником в с. Григореево Тверского уезда, на место просившегося в заштат священника Саввы Пospelова. Место как будто и свободное, но в консистории хорошо знали, что место это куплено благочинным села Кушалина Тверского уезда Иваном Фёдоровичем Судаковым для своей дочери. Н.О. Соколов был, найденный отцом, для неё жених. Знали, что в Твери и

сам благочинный с женой и член Консистории архиерей Иосиф, их дальний родственник, сильно хлопочут о Соколове. Узнав об этом и видя, что таким образом никогда не попасть на свободное место, папаша написал прошение преосвященному Филофею и лично подал ему. Все преимущества были на стороне моего отца и Филофей назначил его священником в село Григорьево....

«Трудно описать досаду и горе Судаковых, когда они узнали об этом, - вспоминал отец - немало на мою голову посыпалось с их стороны недобрых слов».

Однако архиерей Иосиф надоумил благочинного Судакова обратиться к Звереву с предложением, не возьмёт ли он их дочь (что он и сделал) и прислал за ним подводу, чтобы посмотреть невесту. «Отчего же не посмотреть, я теперь пан хочу её беру, хочу сватаюсь к любой», - и согласился съездить в Кушалино.

Сватовство папаша

Папаша рассказывал: «Прислали за мной пару лошадей, тулуп и я отправился смотреть невесту. Приезжаю, дверь открывает девица, вскрикивает ах! И быстро скрывается». Невеста папаше понравилась. Это была кроткая и скромная девушка лет 24. Но нельзя сказать, чтобы невесте понравился жених. Он был среднего роста, и так как от роду имел редкие волосы, то казался совсем плешивым. Правда, он носил парик, но его он должен был снять, став священником. Но тогда мало спрашивались, нравится ли жених невесте, лишь бы она понравилась жениху.

Благочинный с женой приняли жениха очень радушно, угощали его «пуншиком», что было тогда в моде, да, кстати, давало возможность заметить, как слаб жених к вину. Остались довольны женихом и получили от него согласие взять их дочь. Благочинный начал писать «роспись». Так как невеста понравилась жениху то и кончил дело за эти дни. Сделан был «мирный договор или братское келейное условие».

В счёт приданного пошли и 400 рублей, которые благочинный давал священнику Савве Поспелову за уступленное им место и стройку. Свадьба была назначена на 22 января 1861г. В марте того же года, папаша был посвящён в дьякона, а в апреле – в священника.

Служение папаша в с. Григорьево

Село Григорьево состояло из одних барских усадеб, да небольшой слободы и небольшой деревушки. Про дворян, за редким исключением, можно сказать, что они высасывали весь сок из своих крестьян, почему те были крайне бедны.

Хотя причт состоял только из священника, дьячка и пономаря, но дохода было мало и они жили в бедности. Приходилось своими руками обрабатывать землю, которой при церкви было очень мало. Остальная земля была пустошь, оступ с мелким кустарником, который каждый год исправно вырубали крестьяне. Дрова приходилось или покупать, или воровать. А так как купить было негде и не на что, то причт делал последнее.

«Жутко было ехать в барский лес рано утром, - вспоминал отец, - как ударишь топором, то сердце так и ёкнет, вот схватят, да к барину». Эти поездки за чужими дровами так не понравились папаше, что он сам уже не ездил, а посылал мужика. Надо сказать, что помещикам это было известно и они смотрели на это пока сквозь пальцы.

А чего бы стоило дать сучьев причту, а не заставлять их поступать против совести?! Но было приятнее держать духовенство под каблуком.

Тяжело было жить на первых порах, отцу моему на новом месте. Средств у него было мало, приходилось бороться с нуждой. Тесть наделил его скупой, что видно из прилагаемой «росписи». Надо было всем обзаводиться - и не мало. Дом, купленный у священника Поспелова был тесен и плох - надо было подумывать о новом, более обширном доме чтобы можно было жить с семьей.

Еще у многих в памяти, какво жилосьь духовенству в крепостное время.

Определенного времени для церковной службы не было, а изволь служить тогда, когда прикажет барин. Хорошо, где барин один, а где их несколько - вот и изволь всем угодить! Когда приходилось венчать крестьян, то барин присылал записку священнику, где приказывал повенчать такого то с такой то. Опрос брачующихся - по своей ли воле они женятся друг на друге - был пустой формальностью.

В первый же год своего священства у папаши был такой случай: приказано повенчать крестьянского парня Ивана Васильева Пушкива с крестьянской девкой Авдотьей Савельевой, а надо сказать, что она была отдана в ученье шить. Девушка недурненькая и отвыкшая от крестьянской тяжелой работы, почему всячески старалась расстроить свадьбу с крестьянином. Когда священник задал ей вопрос: по своей ли доброй воле выходит она, - невеста громко ответила – «Нет!» Священник насильно обвенчать ее не хотел и потому венчанье прекратил. Невесту ведут тогда к барину, а оттуда - на конюшню где всыпается ей горячих - и опять под венец. Во второй раз – то же, и так раза три. Наконец, вся исполованная невеста говорит – «да!» Зато настоящего ладу у них не было всю жизнь и детей они не имели. Она жива еще и теперь. А Иван хороший был мужик! Умер уже девять лет тому назад. Много бывало подобных случаев в те времена, но, слава Богу, все прошло и быльем поросло!

19-го февраля 1861г. дана была всем крестьянам свобода и в одно из воскресений поста мой отец громко прочитал Манифест.

В конце 1861г. 17-го декабря у отца моего родился сын Александр, но прожил он недолго - 5 августа 1862г. он умер. В 1863г. 9 января родилась я.

Прежде чем описывать - свою жизнь я познакомлю вас с своим дедушкой - благочинным села Кушалина Иваном Федоровичем Судаковым и его семьей. Бабушку мою звали Александрой Георгиевной. Отец ее за что-то был переведен из Девичьего монастыря в Кушалино, и когда бабушке исполнилось 15 лет он сдал место Ивану Федоровичу Судакову. Детей у дедушки было много: Елизавета - была замужем за священником села Фешева Бежецкого уезда Стефаном Григорьевичем Садиковым (дети их - Иван умер умалишенным лет пяти назад, Петр - теперь священник храма Воздвиженья в Твери, Елизавета - девица, Анна - замужем за Струженским Н.М., Николай - нотариус в Кашине, Марья - девица, Александр - дьяконом у Покрова в Твери, Николай - служит в Государственном Казначействе, Мария - моя мама, Павла - замужем за священником села Салтыкова Кашинского уезда Михаилом Ивановичем Соколовым (их дети - Мария - замужем за священником, Николаем, Ольга, Александр (священник в селе Афанасове, Иван и Александра), Дмитрий - судебный пристав, Глафира, Иван, Анна, Александр - священник села Тутани Тверского уезда, Алексей. Последнему было четыре года, когда венчался мой отец.

У дедушки были родные братья: архимандрит Феодосий (в миру священник Дмитрий Судаков) - женат был на двоюродной сестре архимандрита Иосифа (Воинова) - Анне Ивановне Покровской. Она же была двоюродная сестра моему свекру. Дочь их Анна была замужем за чиновником П.В.Кр. - Родным братом моей свекрови. Второй брат дедушки был дьяком с.Воронцова – Иван Федорович. Были еще три брата от мачехи: Федор, Михаил, Иван - дьячок села Салтыкова и дочь - Мария Михайлова Новоселова.

У дедушки был сначала маленький дом, но после пожара, когда сгорели два дома причта и церковь, дедушка себе в 48 году поставил большой деревянный с

вышкой дом, крытый тесом. Дедушке принадлежит честь постройки двух величественных каменных храмов в селе Кушалино - холодный собор - копия собора Девичьего монастыря, а колокольня теплого храма - копия Тверской Екатерининской колокольни; теплый храм пристроен к старинной Смоленской церкви. Около дома был большой сад с ягодами и дикими яблонями, далее шел огород, где я любила лакомиться маком, росшим там в изобилии.

Кушалино расположено на речке Кушалке, впадающей в Большую Кушалку, по Бежецкой большой дороге в двенадцати верстах от с. Григорьева. Родители мои часто туда ездили.

Раннее мое детство

О раннем детстве моем я сохранила отрывочные воспоминания - запомнила кое-что я трех-четырёх лет. Что было до этого времени, конечно, я ничего не помню, а слышала только от других. Крестила меня 13 января помещица Прасковья Михайловна Змиева и сын ее Николай Федорович.

Сам Федор Филиппович Змиев очень любил детей и баловал меня, почему я, как только выучилась ходить, часто убегала утром прямо с постели в одной рубашонке к ним в дом, а если калитка (около двух елок) была затворена, я подлезала под нее.

Там меня встречали и часто прятали, если нянька пойдет меня отыскивать. Как теперь помню стою я на столе в диванной, Федор Филиппович дает мне розовую помадку с условием, чтобы я звала его «папа крестный», но я не соглашалась, говоря, что у меня уже есть свой папа крестный. Слышала я еще, что когда была полутора лет в самый сенокос загорелась слобода, которая тогда была против прогона и сада Марии Федоровны. Ветер был сильный, галки летели на двор Змиевых, боялись за село. Родители мои прибежали с поля и мамаша меня искала. Папаша обошел дом с иконой, Очень они перепугались за меня, боясь, чтобы группая нянька-

девчонка не унесла меня в горящую слободу, пока к великой их радости я не прибыла домой на руках няньки - жива и здорова.

К этому, вероятно, времени относится путешествие моих родителей со мною по святым местам. Были они в Торжке, Калязине и заезжали в Кашин. Может быть это было и не в один год - я не помню. Ездили мои родители со мною же и на родину папаши - в Завидово, а оттуда - в Тальцы.

Бабушка - Дарья Евстратьевна умерла еще в 1861г. В том же или следующем году дедушка сдал место дочери Татьяне, приняв в зятя Андрея Григорьевича Успенского. Тетка моя Прасковья Александровна была уже замужем за волостным писарем Яковом (забыла его отчество и фамилию). Я, конечно, ничего из этого путешествия не помню, только после двоюродный брат Иван Зверев смеялся надо мной, что я очень любила сахар и все просила: «кукуму маленько». А еще, что свойственно всем маленьким, надела на полу, приводила за платье мать и говорила: «мама, чись».

Кроме меня у родителей были дети. В 1864г. 20 марта родился Иван, но умер 23 апреля того же года. 19 марта 1865г. родился Николай, умер 7 августа 1866г. Того же 1866г. 6 августа родился Александр, умер 18 августа того же года. В 1868г. 19 января родился Петр, умер 3 мая в 1869г. В 1869г. 7 апреля родилась девочка Александра - умерла через 3 недели - 26 апреля. Все умирали большею частью от поноса и хотя нас всех было семь человек, но живой, осталась только я. Не удивительно, поэтому, что меня очень любили, берегли и даже очень баловали, а поэтому я была своевольной и капризной девчонкой. Мамаша всюду брала меня с собой и не отпускала от себя ни на шаг. Не помню в котором году, но знаю, что мне было не более трех лет, родители мои и дедушка с бабушкой отправились в Филево на какой-то праздник летом. Кое-что

из этого путешествия сохранилось у меня в памяти. Помню, что нам надо было въезжать на крутую гору, ехали по большой дороге на Бежецк, и лошади наши с большим трудом взобрались на нее, скатившись предварительно несколько раз, что было для меня страшно.. Помню что мы переезжали большую реку Мологу, по которой плавали утки, виденные мною в первый раз. Помню, что останавливались на постоялом дворе. Я, повертевшись в комнате около своих, вышла на двор, где стояли наши телеги с лошадьми, которых папаша выпрягал. Ворота на улицу были отворены и я вышла на тротуар. Там меня, должно быть, что-нибудь заинтересовало или так захотелось пройтись, только я сделала несколько шагов и, оглянувшись, уже не нашла ворот, из которых только что вышла. Испуганная, я расплакалась и побежала дальше. Помню, что какие то двое мужчин взяли меня за руку и повели, спрашивая: чья я девочка? Я отвечала, что папина и мамина и более от меня ничего не добились. Потом я очутилась в какой то комнате в подвальном этаже, где меня передали двум женщинам, одетым в черное. Они дали мне пряник и, не добившись должно быть толку, опять взяли за руку и повели по улице, спрашивая всех, не ваша ли девочка. Наконец около постоялого двора встретила меня испуганная мама, которая не могла понять, куда я могла пропасть и напрасно бегавшая по улице. Она закричала - моя, моя и очень благодарилась приведших меня женщин. Помню в Филеве большой дом тети Лизы и множество ребят, окруживших чайный стол. Потом мы выбежали на крыльцо, где нашли для себя забаву: к высоким перилам крыльца приставили доску и начали по ней съезжать на землю. Конечно не все благополучно достигали земли - многие кувыркались, рвали и пачкали платья, ушибались, ревели и вообще шум был невообразимый, привлекаясь наконец внимание наших матерей. Когда они вышли и увидели нашу игру и растерзанные фигуры - мамаша охнула, а тетя Лиза начала угощать своих детей здоровенными шлепками, пока те не разбежались. Более в моей памяти из пребывания в

Филеве ничего не сохранилось. Еще помню, что возвращаясь домой, мы остановились в одной карельской деревне. Хозяин с лучиной в руках вышел на двор помочь распрячь лошадей. Горящую лучину он воткнул в стену, а сам занялся лошадьми. Я еще тогда боялась пожаров и знала, как опасно ходить с лучиной по соломе. Был какой-то праздник и хозяева начали угощать проезжих пивом. Поднес хозяин дедушке большой деревянный ковш с пивом, а сам и все его домочадцы уткнулись лбами в пол и лежали до тех пор, пока ковш не выпивался весь. Поднимет хозяин голову, видит, что в ковше еще много и опять ляжет: - «Нет, батька, как хочешь, а выпивай весь». Напрасно дедушка и папаша отнекивались – заставили-таки их выпить до дна. Таков, говорят, у них обычай угощения, не знаю, существует ли он теперь. Не помню хорошо, что было раньше: свадьба тети Павлы или священье, должно быть свадьба. Я только помню - у дедушки было много гостей и в зале танцевали все дамы и барышни в криналинах. Были здесь и В.И.Забелин с своей женой Александрой Петровной. Она считалась подругой мамыши и теток, а потому всегда была желанной гостьей в Кушалине. Александра Петровна и Василий Иванович ласкали меня, сажая к себе на колена, но меня более притягивал к себе поднос, на котором были насыпаны конфеты в золотых бумажках, пряники, орехи и разноцветные яички из миндаля. Впрочем, бабушка дала мне всего помаленьку, строго на строго наказав самой ничего не брать, что я хорошо помню.

Но все таки сидеть рядом с подносом и любоваться на него было очень приятно. Когда было в Кушалине священье - мне было уже четыре года. Приехал Викарный Архиерей - епископ Антоний - впоследствии епископ Пензенский, съехались много священников. Рассказ об этом написан отдельно, в воспоминаниях об Архиереях.

Вообще, как говорят, я была очень смелая, острая и

разговорчивая девочка, но расти мне пришлось одной, подруг у меня не было, так как мамаша не пускала меня бегать с детьми пономаря О.А. Галахова. Иногда мне удавалось потихоньку уйти из дома к Паше Галаховой - она была старше меня года на три, но меня скоро разыскивали и водворяли в комнаты. Раз я таки убежала с Пашей и ее братом Колей (теперь псаломщик села Славного) в их сарай и начала с ними играть, вдруг слышу голос мамаша. Я хотела откликнуться, да меня отговорили и все мы присмирели, чтобы мамаша не догадалась, что я в сарае. В щель сарая я видела как мамаша шла за сараем с прутом за спиной и звала меня. Как я тогда боялась выдать себя - знала какое угощение ожидает беглянку. Когда опасность миновала, я вернулась домой и, о ужас, солгала, что не слыхала зова мамы. Теперь я понимаю, почему мамаша не позволяла мне бегать с ребятами пономаря, из боязни, чтобы я не испортилась и не переняла дурное от них. В Кушалине у меня были подруги - Ирина Миловидова и Оля Михайловская - дочь учителя. От последней я заразилась коростой, какое горе было для мамаша! Руки мои покрылись гнойными болячками, зуд был невыносимый, руки я рада была расчесывать до крови. Кто то научил мамашу сделать мазь из купороса, серы и еще чего-то. Этой мазью намазывали мне руки и надевали холщевые перчатки. Слава Богу! Короста ограничилась руками и скоро прошла. Еще припоминается что у меня была корь и я лежала вся красная от жара, то к икрам рук и ног прикладывали мне распластанную селедку и кислое хлебное тесто. Более у меня болезней не было никаких. Помню еще такую сцену: папаша пьет чай, я валяюсь на полу на войлоке и капризничаю, а мамаша стоит передо мной, держа в одной руке ложку с касторкой, а в другой прут и предлагает выбирать любое. Вообще моя жизнь до шести лет была счастливым детством. Да, я забыла сказать, что папаша на втором же году своей жизни в

Григорьеве купил на Симонове у помещика Киева новый большой дом. Для постройки его он занял 200 рублей у своего брата Ивана Александровича. Дом поставили рядом со старым. На месте дома, купленного у о.Саввы, находится теперь наша зала. Был небольшой промежуток только для крыльца, этот промежуток занял теперь наш кабинет. Полы в старом доме выбрали и его обратили в птичник: я помню там сидели гусыни на яйцах. Этот дом был отдан папашей на сторожку, после смерти моей матери. Всю третью часть нового дома занимала зала - во всю его ширину в котором было шесть окон, из залы две двери вели, одна в гостиную (итальянское окно на север), другая в спальную (такое же окно на юг), рядом со спальней была кухня в одно окна и прихожая - тоже в одно окно. Из гостиной дверь вела в угольную комнату, где два окна на север и одно на восток, а из угольной в прихожую. Большие сени соединяли со старым домом, кладовой и скотным двором. Из сеней одна дверь вела на улицу, другая - в огород. Перед окнами был маленький садик, где летом мамаша варила варенье на жаровне, а я лучинкой таскала из тазика пенки. В спальне стояла большая кровать родителей и около затворенных дверей в залу - моя. Около большой кровати висела люлька. Помню смерть брата Саши. Я сидела на своей кроватке и смотрела как папаша и мамаша, стоя пред столом, молились перед образом с горящей свечей, а на столе «кончался» ребенок. Он то слабо стонал, то вдруг замолкал и родители начинали тогда вглядываться в него, чтобы узнать - не умер ли он. Но он начинал опять стонать, а родители опять молились. Это происходило что-то долго... Освещение было тогда: в кухне - лучина березовая, вставленная в светец, приделанный к корыту на ножках. В корытце наливали воды, чтобы падающие с лучины угли гасли скорее и не дымили, а в комнатах - сальные свечи. Свечи делались дома: растапливалось баранье сало, мамаша пряла из ваты светильную,

опускали ее в оловянные трубочки, вставленные в деревянный станок, наливали в них сало, выносили на холод. На другой день свечи были готовы. При гостях ставили две свечи, тут же на столе ставили лоток с щипцами - снимать нагар. Гости у нас бывали редко: помещики приходили только в именины. К ним же папаша и мамаша ходили чаще. Чуть помню елку у Николая Антоновича Вейсс. Она стояла в гостиной, украшенная яблоками, грушами, апельсинами.

Елку в доме я видела в первый раз. Родные мамыши из Кушалина приезжали нередко к нам. Реже приезжала тетя Лиза. Раз она приехала к нам, а от нас отправилась в Тверь. С нею же поехала и мамаша, взяв меня с собою. Дело было весною, дороги еще не просохли, ехали более объездами, так как большая дорога была изрыта глубокими колеями и ямами, наполненными жидкой грязью и проехать по ней, не сломав оси, было немислимо. В Твери меня взяли в ряды и я важно шла около мамы, держа над головой ее голубой шелковый с бахромой зонтик. Смотрели на ученье солдат на плацу и пили сбитень горячий. Родители мои, а особенно мамаша ездили в Кушалино часто. Помню я восемь поездок с нею. Была у нас лошадь Фишка, очень горячая. Раз мамаша поехала на дровнях зимой и в воротах, около сторожки, что-то сломала, другой раз поехала летом на телеге - при въезде в Данищах лошадь рванула в бок и телега соскочила со штыря (шкворень), при этом мамаша ссадила себе нос до крови. Она тот час же вернулась домой, не пожелав показываться с ссадинами на лице в Кушалине. Третья поездка была для меня особенно памятна. Было это, кажется, в 1868г. на святках. Когда начинались у дедушки «отчеты», папаша ехал к нему со своими, вместе с мамашей, и гостил там ночи две-три, причем помогал дедушке принимать отчеты. В 1869г., когда наступило время отчетов, папаша с мамашей, по обыкновению поехали в Кушалино, взяв меня. Выехали после обеда -

часа в три. Только что мы выехали из села и въехали в поле, как мамаша указала на чернеющие впереди черные точки: «Уже не волки ли это?» «Нет, - сказал папаша, - это вешки». Проехали Данищи, небольшой лесок и выехали на Горбовское поле. Черные точки опять впереди - и движутся. «Ну, право же, это волки, смотри-ка» - опять заговорила с тревогой мамаша. Папаша стал выглядываться и уверился, что семь волков бежало впереди, трусая по дороге в расстоянии ста шагов. Около Горбова мы увидели, что волки опять впереди на дороге. То же было и в Арининском.

Так как уже смеркалось и дорога шла лесная, то папаша побоялся ехать далее, зашел в кабак, где сидели мужики и попросил проводить его до Симонова. Двое мужиков взяли ружья и сели в наши дровни. Въехав в Холопово, все мы увидели волков, сидящих по обе стороны моста, что через реку Шую, и как будто поджидающих нас. Мужики начали было готовить ружья, но папаша упросил их пока не стрелять так как они могли испугать еще больше храпевшую нашу лошадь. Между тем волки, не дав подъехать к ним шагов на пятьдесят, опять побежали впереди по большой дороге. Из Симонова в это время выходила толпа молодежи с гармониями и песнями: они увидели волков, закричали: волки, волки! И должно быть испугали последних, так как они вдруг повернули в сторону по дороге в Амачкино и скрылись. Папаша поблагодарил провожающих, которые были порядочно выпивши, и, настегав лошадь, мы понеслись во весь опор.

Помню, в каком-то году, папаша летом лазил на липу, что на погосте, за медом. На это уговорили его дьячек и пономарь. Еще и теперь висят доски на липе, за которые держались. Соты вырезал папаша без сетки, а потому пчелы страшно искусали его. Лицо его и руки так распухли, что казались красными подушками, глаз было совсем не видать и папаше пришлось лежать в постели. Мамаша была очень недовольна этой охотой за медом. Она не отходила от папаша. Меня компрессы на его воспаленном лице, плакала, видя его страдания и боясь за него. Но, слава Богу, все обошлось благополучно. Вообще, надо сказать, что родители мои

очень любили друг друга и жили очень дружно. Характеры у обоих были мягкие и кроткие; кроме того мамаша была очень застенчива. Как теперь помню, пришла она домой с сенокоса - приготовила обед. В ожидании папаши и работниц она прилегла в угольной на софе (так назывался диван ничем не обитый). Я тотчас же взобралась к ней и начала упрашивать ее спеть что-нибудь. Долго она отказывалась, говоря, что не умеет, но видя мои неотступные просьбы, она тихонько запела, чтобы не слышал ее Александр - так звала она мужа. Пропела она «Ивушка», «Сени», «Летал голубь» и только запела она «По улице мостовой...», как послышались в сенях шаги. «Ай, Алекс идет», - вскрикнула она, и перестала петь. 1869г. был несчастный для нас. 3-го мая умер брат Петя одного года и 3,5 месяца. Это было большое горе для моих родителей. Помню, как его похоронили и дома мне дали помянуть его кутьей. Мамаша очень плакала. Я же, поев кутьи, побежала на улицу хоронить мою нелюбимую тряпочную куклу в черном атласном, как мешок, платье. В этом деле мне помогали мои подруги Паша и Саша Троицкая, недавно приехавшая из Кушалина с своим отцом, поменявшемся местами с А.И. Рождественский. - нашим дьячком.. 7-го мая родилась сестра Саша, которая мне очень нравилась - мне хотелось няньчить ее как куклу, что, впрочем, я и сделала. Однажды, когда мамаша еще лежала в постели и спала, а Алена, наша работница, стирала, я выхватила из люльки Сашу, понесла ее в угольную и увидав проходившую Пашу, захотела похвастать перед ней, что и я няньчаю (а она постоянно была нянькой своих братьев и сестер) и отворила окно. Саша заплакала, Алена услышала и отняла от меня сестричку. Мамаша мне запретила и дотрагиваться до нее - это ли не горе! 26-го мая Саша умерла. Погода стояла довольно холодная, дул сырой ветер. Помню - папаша, мамаша - только что оправившаяся, Елизавета Николаевна и я, конечно, пошли гулять в поле, откуда прошли на кладбище - на могилки похороненных шести детей.

Мамаша, указав на место рядом с их могилкой, сказала: «А меня похороните здесь, когда умру». Никто тогда не думал, что это так скоро исполнится. Мамашу, одетую в драповую кофту, продул холодный ветер и она начала недомогать. Сначала у нее сильно болела голова, почему она не поехала на праздник св.Троицы в Кушалино. Потом она слегла в постель и уже не вставала. Болезнь была в животе - какое-то воспаление. Докторов близко не было, только в Твери, и в деревню ехать отказывались, несмотря на все просьбы отца. Ходить за больной было некому, так как папаша часто отлучался в приход с требами. Работница в это время была Фекла Долгушинская - баба сварливая и за мамашей ходить не считала своею обязанностью. Я была еще лет шести. Бывало уедет папаша в приход, а мне накажет сидеть около кровати и одевать мамашу, когда она раскидается или подать ей пить. Я посижу минутку, станет скучно и я тихонько выскользываю из дома, и бегу к играющим на лугу ребятам. Там мне было весело и я забывала свою больную одинокую мать. Ах, какая я была глупая. Бабушка с тетей Анютой заезжали раз из Твери. Долго упрашивали их папаша и мамаша погостить еще или оставить тетю Анюту, но они не согласились, повидимому, не подозревая об опасности положения моей мамаша. Горько тетя Анюта потом раскаивалась в этом. Дней через пять пришла тетя Граня.

Она села около постели в ногах больной. Мамаша молча смотрела на нее. «Узнаешь ли ты меня, Маша»? - спросила тетя. «Да, Граня» - слабо ответила мамаша. Говорила она уже мало и несмотря на видимую ее слабость, тетя Граня не захотела побыть около сестры. На другой же день мамашу причастили и послали сказать в Кушалино, что она умирает. Родные приехали, но уже не застали мою милую, дорогую мамочку в живых - 12 июня в четверг она скончалась.

Милая, дорогая мамочка, как жалела я тебя потом,

когда стала чувствовать свою потерю. Но в то время я не жалела ее. Надо удивляться моей глупости и злопамятству. Дело в том, что перед вышеупомянутым приездом тети Анюты, папаша, усадив меня около больной мамы, уехал в приход. Я скоро выбежала на улицу и так увлеклась игрой в лошадки с бегающими по лугу ребятами, что не слушала призыва домой и уже приехавшая тетя Анюта увела меня за руку, говоря, что меня мама зовет. Недовольная тем, что меня оторвали от интересной игры, я нехотя подошла к мамаше, она же, собрав свои последние силы вытаскала меня за волосы, наказав впредь слушаться. Я заплакала, уселась на сундучок и начала приговаривать – «Что же, умирай - мне лучше будет. Папа женится на другой и она меня будет любить!» Не могу себе простить за эти глупые слова, столь неприятные для умирающей матери. Но зато и хорошее же благословение я получила от нее. Я не сознавала своей потери, с любопытством следила как умершую обмывали, одевали и переносили в зало на стол. Удивленно смотрела на плачущих отца и родных, собравшихся у нас. Хоронили ее в Заговенье. Равнодушно относилась я ко всему во время похорон. Меня интересовало больше пирожное, привезенное из Твери на обед.

1882г. 3-го мая в I ч. 5 м. скончался мой дорогой отец - священник села Григорьева, 6-го мая, в Вознесение, его хоронили. На похороны приехали Кашинского Клобукова монастыря архимандр Феодосий (родной брат дедушки моего по матери Ивана Федоровича Рудакова), которому я послала телеграмму о кончине отца, дядя Иван Александрович Зверев, дядя Александр Иванович Судаков благочинный и священники: Кушалинских два, Рождественский, Славновский, Васильевский, Жерновский, Вельский и Романовский. Похороны были торжественны – двенадцать священников с

архимандритом во главе. Народу по случаю поднятия крестов на нашу церковь, которые золотились, а также на погребение папаша, собралось очень много. После похорон пели соседние псаломщики: Романовский, Славновский, Кушалинский и Рождественский, а также Рождественский дьякон. Был для духовенства обед и чай. Папаша мой, надо заметить, был духовником, некоторые из крестьян тоже сели за стол в сенях, а чего мне хотелось: дать обед нищим – не пришлось, так как пономарица – Варвара Васильевна и дьячиха Н.А., которым было поручено об этом позаботиться, более заботились о своих родных и знакомых, а также и о вышеупомянутых крестьянах – богачах прихода. Для остального народа было выставлено ведро кутьи. Вечером духовенство, сделав, по обыкновению, опись имущества покойного разъехались, день спустя уехали и дядя – Иван Александрович Зверев с сыном Михаилом, оставя меня заботиться о себе, как знай. К папаше, еще при его жизни, приезжал А.П.Скобников (теперь священник в селе Астраганцах), но папаше не хотелось с ним кончать дело, не узнав его хорошенько, и не думая так скоро умереть. Он сказал Скобникову: «Приезжайте погостить к Покрову и тогда лучше познакомитесь один с другим». Когда же умер папаша, Елизавета Николаевна Вейсс поехала к высокопреосвященному Савве, написав, в то же время, сестре своей Софье Николаевне Фишер, чтобы она съездила к преосвященному Алексию епископу Дмитровскому и просила его замолвить о мне у епископа Саввы. В то же время послали лошадей за А.П.Скобниковым. Архиерей обещал определить на место отца найденного жениха и узнав, что А.П.Скобников хотел поступить в Григорьево, велел ему явиться, но последний – по своему нерешительному характеру, испугался и не поехал, а послал письмо своему товарищу – псаломщику Исаевскому – А.Колтыпину, предлагая ему хлопотать на место, моего отца. Между

тем, узнав от отказе А.П.Скобникова явиться к архиерею, мы не знали что и делать. Женихов искать мне было очень противно, но делать было нечего – не хотелось опустить место отца. Коля Зверев – мой двоюродный брат, поехал к Николаю Осиповичу Соколову, знакомому столоначальнику консистории, узнать не знает ли он кого из окончивших курс. Тот указал на псаломщика Екатерининской церкви Лебедева и Исаевской – А.Колтыпина, прибавив при этом, что у первого живет мать и три брата, которых он содержит, а второй очень слаб здоровьем, должно быть чахотка у него. Не понравились нам эти женихи. А дядя – Александр Иванович Судаков прислал мне письмо и зовет к себе, обещая найти жениха в Торжке среди учителей духовного училища. Делать было нечего, поехала я к нему 12-го мая. Приезжаю в Тверь к бабушке, а дядя Иван Иванович Судаков и тетя Анна – давай нахваливать мне Исаевского псаломщика А.Колтыпина, который приходил к ним справляться о моем приезде. Я слушала-слушала их, да и говорю: «Пожалуй посмотрю вашего хваленого жениха, хотя за больного вовсе не желаю выходить». Дядя тот час же написал ему письмо и тетя понесла его А.Колтыпину. Через час явился Колтыпин А., который с первого раза мне понравился. Поговорили о том, о сем. А бабушка слепая не утерпела и говорит: «Что-же, Александр Иванович, согласны идти в Григорьево?» А он в ответ: «Мне невеста нравится, согласен, не знаю, как она?» Подумала я, подумала, представила все свое положение – отыскание невестою жениха, опять же – неизвестность, найдется ли еще хороший и согласилась. Тут все и порешили. Пошла я сказать об этом Миловским (сестра Елизаветы Николаевны Вейсс замужем за доктором). Те передали Львовым, которые были хорошо известны высокопреосвященному Савве и принимали во мне участие, а также племяннику архиерея – доктору Орфанову. Между тем, во время моего отсутствия,

приехал в Григорьево, Ильгощинского священника сын, Василий Григорьевич Покровский, и узнав, что меня нет дома, обещал приехать на другой день, прося, чтобы за мною послали в Тверь. Коля тот час же отправился за мною и в то время, как сообщил мне о сватовстве Покровского, пришла от Миловских Анна Осиповна (дочь нашей пономарицы) сказать мне, чтобы я на другой день в 10 часов явилась с женихом к архиерею. Так приказал он через Львовых. Услыхав об этом, я ехать домой отказалась, несмотря на уговоры другого двоюродного брата Петра Ивановича Зверева – не выходить за А.Колтыпина ввиду его слабого здоровья. «Ты через два года будешь вдовой» – говорил он. По словам Николая Осиповича, а лучше, если не уладится дело с Покровским, быть учительницею, а место отца отдать ему – Звереву. Несмотря на все это, я решила идти к архиерею, хотя и очень жутко чувствовала себя. Коля уехал домой сказать Покровскому, что у меня дело порешено с Колтыпиным А., а я, передав приказание Колтыпину А., со страхом ждала следующего дня. Наступило 19-е мая. В 9 часов утра я отправилась в Трехсвятское. Подхожу к дому архиерея и сажусь, в ожидании Колтыпина А., на скамейку. Около меня было движение; дьячки, священники, дьяконы ходили в ожидании приема; все поглядывали на меня с удивлением и любопытством. Наконец пришел Колтыпин А. и как только начался прием, о нас первых доложили высокопреосвященному Савве. Отворили дверь и мы вошли в зал где в скуфье стоял владыка. Мы в ноги и под благословение. «Зачем вы?» спросил он у Колтыпина А. А тот – прямо: «Вы приказали явиться, ваше преосвященство». «Как я?» нахмурился владыка. Я испугалась, чтобы Колтыпин А. своим неловким ответом не испортил дела и сказала: «Ваше высокопреосвященство, я пришла просить Вас оказать мне милость, определить избранного мною жениха Колтыпина А. на место моего отца». «А отчего умер ваш отец?». «Да у него были разные болезни - отвечала я, - а в последнее время у него развилась водянка, от которой он умер». «Водянка?» - спросил

владыка. «Да!» - отвечала я... «А велика ли осталась семья»? «Только я одна, ваше высокопреосвященство, мать давно уже умерла».

«Вы, учились в Москве в Филаретовском училище»? «Да, в-ство». «Слышал, слышал - мне писали об этом. «А кто эта дворянка Вейсс, что приходила ко мне и Фишер?» «Это, отвечаю, дворянка, что меня воспитывала по смерти матери, а Фишер - начальница Женской Классической гимназии - ее сестра». Владыка обратился к Колтыпину А.: «Ты, кажется уже просился туда-то?» Тот отвечал, что во Млевичи, но не определен потому что еще молод. «Ну, хорошо, сказал владыка, Господь вас благословит, женитесь, а там я вам дам какое-нибудь место». «Нет, ваше высоко-пр-во, сказала я, будьте милостивы, определите его на место моего отца». «Да ведь все равно сказал владыка, а сам посмеивается. «Нет, ваше в-пр-во, мне дорога Родина, могилы родителей, братьев!» «Ну, хорошо, хорошо», - сказал владыка. «Господь вас благословит. Подавай прошение». С этими словами он нас благословил и отпустил. Так мне пришлось быть у высокопреосвященного Саввы. Хотя и неловко было являться к нему с женихом, но его ласка и милостивое внимание заставили забыть все. После я получила письмо от преподобного Алексия к Софье Николаевне, в котором он извещал ее, что писал мне преподобный Савва и при этом посылал ей его письмо для прочтения. С этого письма владыки у меня есть выписка. Царство небесное преподобному Алексию, он помнил меня и отнесся о мне очень хорошо нашему владыке. Умер 13-го октября 1896г.

Мария Ивановна - замужем за священником церкви села Григорьева, Тверского уезда, **Александром Александровичем Зверевым**, рукоположенным 4 февраля 1861г.; умер 1882г.

Анна (дочь их) родилась в январе 1863г., умерла 11 декабря 1903г. Анна Александровна окончила Филаретовское училище в г. Москве. По смерти отца своего, Анна Александровна Зверева приняла к себе в дом священника **Александра Ивановича Колтыпина** - сына диакона Покровской церкви г. Твери. Рукоположен во священники в 1883г. в июле.

Дети их:

Александр родился в 1883г, окончил академию; женат; состоит епархиальным миссионером священником.

Колтыпина (Судакова) Нина Александровна (1887-1979г.) родилась в селе Григорьево Тверского уезда. Окончила Женскую классическую гимназию С. Н. Фишер в г. Москве, с отличием. В 1914г. окончила Петербургский женский медицинский институт, врачом Земской больницы с. Новинки. В 1917-1918г. - врач головного санитарного отряда Российского общества Красного Креста при 10-ой армии, принимавшей участие в боевых действиях на Западном фронте. 15 сентября 1917г. награждена Георгиевской медалью 4-й степени за оказание помощи раненым под непрерывным обстрелом тяжелой артиллерии противника, в районе ст. Залесье в июле 1917г. С 1923г. до середины 1950г. работала в лечебных учреждениях г. Твери (Калинина). Замужем (1918г. 6 мая) за врачом **Иваном Александровичем Судаковым**.

Валентина родилась в 1889г., окончила Тверское Епархиальное женское училище и вышла замуж за учителя того же училища Неклюдова; вскоре умерла.

Анна родилась в 1891г., окончила Епархиальное женское училище и вышла замуж за студента Университета.

Вера родилась в сентябре 1894г., окончила Епархиальное женское училище, состоит учительницей Григорьевской школы.

Екатерина родилась в ноябре 1897г., окончила Тверскую Гимназию, поступила работать в Кушалинскую школу. Замужем за **Москвиным** с 1917г.

А.А. Колтыпина
Записки дочери священника
(урожденной Зверевой)

Составитель Н.В. Гурова
(урожденная Судакова, правнучка Колтыпина А.И.)

Подписано в печать 20.04.2016г.
Усл. печ.л. 7,5. Заказ №. 211. Тираж 5 экз.
Отпечатано в ООО «КУПОЛ»
170001, г. Тверь, пр. Калинина, 23, оф. 315,
тел. (4822) 41-61-00, 68-01-07